

Музейон

Е.Д. Егорова

Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате

В глазах современников он весьма серьезно претендовал на статус гения. Его произведения, начиная со знаменитых «Симфоний», отличались почти шокирующей оригинальностью. Обладая обширнейшими знаниями и невероятной эрудицией, он проявил себя в самых разных жанрах. Он сотворил свои неповторимые художественные миры, соединяя вымысел и реальность. Он, Андрей Белый, — в действительности Борис Николаевич Бугаев (1880—1934) — один из самых ярких представителей эпохи Серебряного века, поэт и прозаик, критик, литературовед и мемуарист, философ и теоретик символизма.

«Удивительное это было существо, — вспоминала в годы эмиграции Зинаида Гиппиус. — Он всегда стремился сделать каждый поступок и жест актом творчества, бытовую жизнь возвысить до художественного произведения. Боря Бугаев! Вечное “игранье мальчика”, скошенные глаза, танцующая походка, бурный водопад слов, на все “да — да — да”, но вечное вранье и постоянная измена. Очень при этом симпатичен и мил; надо было только знать его природу, ничему в нем не удивляться и ничем не возмущаться. <...> Он обладал громадной эрудицией, которой пользовался довольно нелепо. Слово “талант” к нему как-то мало приложимо. Но в невероятной куче его бесконечных писаний есть кое-где проблески гениальности». Энциклопедическая «разбросанность» его увлечений удивляла и восхищала современников. «Натура богато одаренная, Белый просто не знает, которой из своих муз ему лишний раз улыбнуться. Кант рвнует его к поэзии. Поэзия к музыке. Тряское шоссе к индийскому символу

<...> Критика и теория творчества (статьи о символизме) идут так — между делом. И любуешься на эту юношески смелую постройку жизни», — писал о нем И.Ф. Анненский.

Стремительный, переменчивый, всегда в живом контакте с современностью, всегда готовый в поисках истины к обновлению мировоззренческих представлений и творческих принципов, Андрей Белый всю жизнь провел в движении, в прямом и переносном смысле. Он жил в Москве, в Петербурге, в Коктебеле, в Париже, в Берлине, в Швейцарии, и все же *один* дом имел для него особенное значение. «Люди, собиравшиеся на воскресеньях моих, — вспоминал Белый, — какой-то ручей: рой за роем проходили, точно по коридору, сквозь нашу квартиру, подняв в ней сквозняк впечатлений: много фамилий и лиц я забыл; и не помню, когда кто явился».

Эти слова относятся к дому на углу Арбата и Денежного переулка, в котором Белый прожил 26 лет, памятью возвращаясь в него на протяжении всей жизни. Дом на Арбате был центром московского символизма, литературной и художественной Москвы. Среди упоминаемых Андреем Белым гостей — поэты К.Д. Бальмонт, Ю.К. Балтрушайтис, В.Я. Брюсов, М.А. Волошин; художники В.Э. Борисов-Мусатов, М.И. Шестеркин, композиторы С.И. Танеев и Н.К. Метнер, философы В.Ф. Эрн и П.А. Флоренский. В этот дом приезжали из Петербурга Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Вячеслав Иванов. 10 января 1904 года Андрей Белый принимал здесь Александра Блока с женой Любовью Дмитриевной...

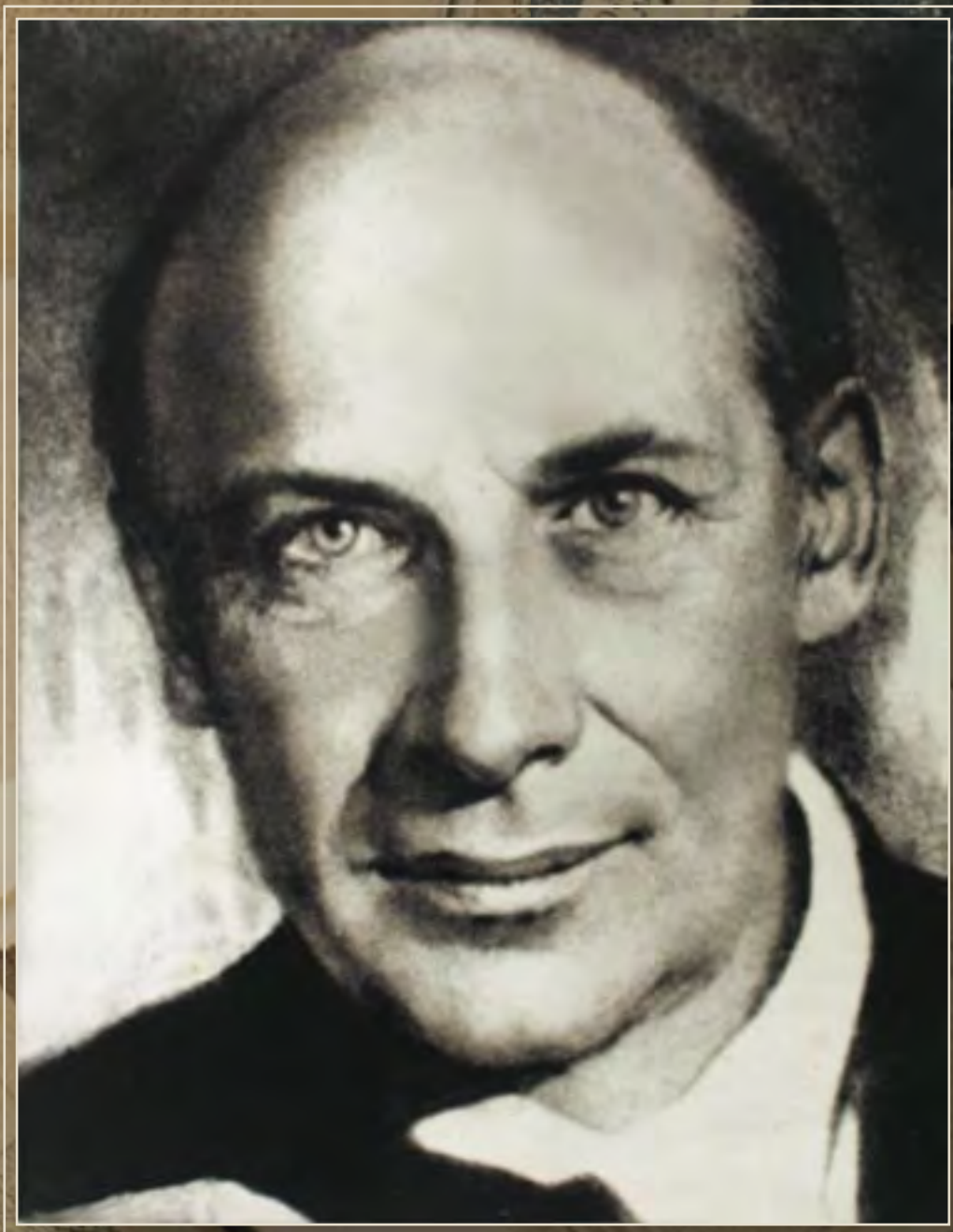
30 августа 2000 года на Арбате, в доме № 55, состоялось торжественное открытие Мемориальной квартиры Андрея Белого, отдела Государственного музея А.С. Пушкина. До 1989 года квартира, где жил писатель, принадлежала Министерству иностранных дел СССР, поэтому присутствие на открытии Мемориальной квартиры Андрея Белого среди деятелей культуры министра иностранных дел Игоря Иванова было совершенно закономерным.

Дом стоит в самом конце Арбата, рядом с примечательным ампирическим особняком. Именно этот особняк А.С. Пушкин нанял для себя накануне женитьбы на Наталье Гончаровой в 1831 году (сейчас — Мемориальная квартира Пушкина). В XVIII веке территория этих домов была единым владением. В 1796 году угловой участок, обращенный к Денежному переулку, перешел к купцам, братьям Гавриле и Даниле Федоровичам Дубровиным. Тогда здесь стоял двухэтажный каменный дом. В 1876 году новая владелица, московская мещанка Марья Ивановна Хромова надстроила здание третьим этажом и возвела со стороны Денежного переулка пристройку (по проекту московского архитектора М.А. Арсеньева). Угол здания был украшен восьмигранной башенкой с куполообразной кровлей. Главный вход был со стороны Арбата, парадная лестница вела на второй и третий этаж. Черная

лестница выходила во внутренний двор. Очевидно, сразу после окончания работ М.И. Хромова продала дом почетному гражданину Николаю Ивановичу Рахманову, его имя упоминает в своих мемуарах Андрей Белый. Вскоре в квартиру на третьем этаже дома Рахманова въехал профессор математики, декан математического факультета Московского университета Николай Васильевич Бугаев вместе со своей молодой женой Александрой Дмитриевной. А в 1880 году в их семье появился на свет Боря Бугаев.

Во второй половине XIX века Арбат считался районом московской профессуры. Неподалеку жили профессора Ф.И. Буслаев и Н.И. Стороженко, по соседству, на одном этаже с Бугаевыми, — экономист И.И. Янжул. В 1894 году в квартиру этажом ниже въехал М.С. Соловьев (сын историка С.М. Соловьева и брат философа В.С. Соловьева) с женой Ольгой Михайловной и сыном Сергеем, позднее известным поэтом и близким другом Андрея Белого. В квартиру Николая Васильевича часто приходили гости. Здесь бывала вся профессорская Москва. Приходили М.М. Ковалевский, братья Танеевы, Лев Николаевич Толстой. Профессор Бугаев был заметной фигурой в столице. Выдающийся математик, он интересовался также философией, психологией, историей и политикой, увлекался шахматами, был яростным спорщиком, сочинял шуточные стишки и даже написал либретто оперы «Будда». Так что детство Бори Бугаева проходило в профессорском мире, который во многом определял его взгляды на жизнь. Он учился в знаменитой гимназии Льва Ивановича Поливанова (которую заканчивал в свое время и Валерий Брюсов). Закончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета — и вкус к точному знанию сохранял на протяжении всей жизни, — затем два года учился на историко-филологическом факультете.

«Годами зари» назвал Андрей Белый начало 1900-х годов. Это годы его становления как писателя, годы, полные странных предчувствий и мистических переживаний, годы необыкновенной творческой активности. К символизму он пришел трудным путем примирения поэтических течений XIX века с философией Владимира Соловьева. В 1902 году состоялся его литературный дебют: издательство «Скорпион» выпустило одну из «Симфоний» — «2-ю, драматическую» (всего их было четыре). Тогда-то и появился на свет поэт Андрей Белый. Псевдоним ему придумал М.С. Соловьев. «Симфония» — это новый освоенный им жанр, лирическая ритмизированная проза с зыбким сюжетом и сквозными «музыкальными» темами, позволяющими передать «душевное созвучие» всех проявлений окружающего мира. Книга, с недоумением и насмешками встреченная публикой и критиками, получила высокую оценку в символистских кругах. Андрей Белый возглавил кружок «аргонавтов», члены которого проповедо-

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев)

Современный вид дома Рахманова на Арбате

вали теургические соловьевские идеи. В квартире Бугаевых, помимо прежних гостей, появились новые люди — университетская молодежь, поэты, художники, музыканты. В 1903 году, в год смерти Николая Васильевича Бугаева, собрания «аргонавтов» проходили каждое воскресенье. Дом на Арбате превратился в культурный центр, сюда приходили поспорить, обменяться впечатлениями.

С 1903 года начинается активная переписка Белого с Блоком. В 1904 происходит «умственная дуэль» с В. Брюсовым. Итоговой для «эпохи зорь» стала книга стихов Андрея Белого «Золото в лазури».

Переезд летом 1906 года на новую квартиру в Никольском (д. 21) переулке означал для Андрея Белого завершение целой эпохи в его жизни. Однако, покинув дом на углу Арбата и Денежного переулка, выехав из отцовской квартиры, он снова и снова возвращался в нее в своих воспоминаниях и автобиографической прозе. Квартира стала героем его мемуаров, романов «Котик Летаев», «Крещеный китаец», трилогии «Москва». Без преувеличения можно сказать, что арбатская квартира во многом моделировала художественный мир

прозы Белого. Это и определило общую концепцию музея. Заведующий Мемориальной квартирой Андрея Белого (отдел Государственного музея А.С. Пушкина) Н.Д. Александров и старший научный сотрудник М.Л. Спивак (сегодня она возглавляет отдел) исходили из того, что само понятие квартиры Белый трактовал очень широко, придавал ему разнообразные метафорические смыслы. Поначалу квартира представлялась детскому сознанию как некий таинственный замкнутый мир: «Переходы, комнаты, коридоры... в которые если вступишь, то не вернуться обратно, а будешь захвачен предметами, еще неясно какими...» Живое воображение раздвигало пространственные и временные пределы квартиры: «...продолби стену я... мне не будет Арбата... может быть... я увижу просторы ливийской пустыни». Читая книги Белого, можно потеряться в причудливых и зачастую нарочито запутанных описаниях комнат, — тем более что писатель намеренно превращает не слишком обширные профессорские апартаменты в лабиринт. Теперь, с открытием музея, у читателей прозы Андрея Белого появилась возможность в этом лабиринте ориентироваться¹.

Когда в 1989 году бывшую квартиру профессора Бугаева передали из ведомства МИДа Государственному музею А.С. Пушкина, начинать пришлось с нуля, буквально на пустом месте. Первым собранием материалов (мемориальная мебель, рукописи, фотографии, предметы быта), вошедшим в фонд музея и составившим его основу, было собрание Т.В. Нориной, наследницы К.Н. Бугаевой, второй жены Андрея Белого. Потом из Швейцарии от В.И. Рыковой в музей пришел архив Аси Тургеневой — первой жены Андрея Белого. Другая, московская часть архива Тургеневой была получена музеем от Е.П. Аметириной-Тургеневой. Были приобретены материалы из архива Петра Никаноровича Зайцева, литературного секретаря Андрея Белого, а также архив Спасских (от В.С. Спасской) и ряд других уникальных коллекций. Благодаря стараниям главного редактора журнала «Наше наследие» В.П. Енишерлова музею был подарен портрет М.К. Морозовой. Сегодня музей Андрея Белого обладает собранием, вполне сопоставимым по ценности с архивами писателя, хранящимися в Государственном литературном музее, рукописном отделе РГБ и других хранилищах. Среди наиболее ценных экспонатов музейной коллекции — личные вещи Андрея Белого, его портрет работы Аси Тургеневой, альбом силуэтов Ф.А. Головина. Бесценный

¹ См.: Александров Н.Д. Лабиринт Минотавра // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 158—160.

экспонат, который в полной мере могут сегодня оценить исследователи творческих и философских исканий Серебряного века, — «Линия жизни», оригинальная схема-диаграмма духовного развития писателя, составленная им самим и рисующая периоды его творческих взлетов и падений, с подробным указанием, какие учения и идеи, а также какие люди оказывали на него влияние в разные годы.

Первая, временная экспозиция была, собственно говоря, демонстрацией фондов музея, своего рода открытым хранением. Тем временем сотрудники музея пополняли, изучали и систематизировали музейную коллекцию. Музей Андрея Белого с самого начала осознавался как один из центров по изучению русского символизма. Рукописи, машинописи, письма, то есть материалы по определению не экспозиционные, составляют основную часть его фондов.

Сегодня Андрея Белого нельзя назвать самым популярным русским писателем, и при всем интересе к Серебряному веку музей не рассчитывает на толпы посетителей (литературные музеи вообще не слишком посещаемы). Андрей Белый интересен студентам-гуманитариям, специалистам по литературе и философии начала века. Наиболее

ценные экспонаты связаны с именами, абсолютно ничего не говорящими большинству тех, кто фланирует по нынешнему пешеходному Арбату, — П.Н. Зайцев, Ф.А. Головин, С.Г. Спасская, Ф.Ф. Кокошкин, — однако к Андрею Белому эти люди имеют самое непосредственное отношение.

Современный мемориальный музей — не просто хранилище, не только семейные интерьеры и собрание документов и реликвий. Он воспроизводит атмосферу времени, воскрешает историю людей, событий, идей. При создании новой экспозиции художнику Александру Конову и всем, кто в этой работе участвовал, приходилось принимать во внимание целый ряд разнородных и противоречивых обстоятельств. Квартира Бугаевых не могла быть восстановлена не только в первоизданном, но даже в приблизительно достоверном виде. Мемориальных вещей, с ней связанных, сохранилось немного. К тому же экспозиция должна была представить всю жизнь и все творчество писателя, не ограничиваясь временем его пребывания в доме Рахманова, — ведь на сегодняшний день Мемориальная квартира на Арбате — единственный музей Андрея Белого в мире. Этими причинами продиктовано довольно сложное, синтетическое

Кабинет. «Кучинский уголок»

решение. Знаки мемориальности (мемориальные фрагменты, стилизующие подлинные интерьеры) сочетаются с подчеркнутой музейностью, выставочным нейтральным пространством, а подлинные бытовые вещи — с экспонатами-иллюстрациями к произведениям писателя.

Наряду с исторической достоверностью в экспозиции присутствует и некоторая «художественность», «театральность». Это оправдано тем, что квартира выступает по сути дела главным героем автобиографической прозы писателя. И если мемуары дают богатейший фактографический материал, то повести и романы представляют неисчерпаемый источник образности. Осложняло задачу создателей экспозиции и делало ее еще более интересной то, что ранний период жизни и творчества писателя известен по преимуществу из произведений, написанных в 1920-е и 1930-е годы. В это время Андрей Белый был уже носителем иной идеологии, иного типа сознания в сравнении с тем, что так тщательно описывается на страницах его книг. Эти внешне противоречащие друг другу обстоятельства места и времени (Андрей Белый, живущий в квартире, — и Андрей Белый, описывающий квартиру) и учтены в новой композиции. В концепции музея изначально заложена идея синтеза: представлен ранний Андрей Белый и Андрей Белый периода размышлений над собственной биографией. Иными словами, мы показываем Бориса Бугаева в сознании Андрея Белого.

Экспозиция условно делится на четыре раздела. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, посетители рассматривают вертикальную витрину: фотографии Москвы и Арбата начала XX века, фотопортреты Андрея Белого и его современников, поданные в намеренно современном стиле. В трех комнатах из пяти — детской, спальне родителей, кабинете отца — представлены и экспонаты, связанные с жизнью Андрея Белого в этом доме, и то, что относится к более позднему времени, когда он писал воспоминания, автобиографическую прозу, романную трилогию «Москва».

В каждой из «жилых» комнат своя тема, свое решение, свой стиль, каждая предстает в трех ракурсах: назначение комнаты, определенный период биографии Андрея Белого и отражение комнаты в том или ином автобиографическом произведении писателя. В «детской» размещены материалы, связанные с рождением Бориса Бугаева и первыми годами его жизни. Часть экспонатов относится ко времени, когда он писал воспоминания о детстве. Следующий зал, «спальня родителей», посвящен матери писателя, А.Д. Бугаевой, раннему творчеству Андрея Белого («Симфонии», «Золото в лазури»). В «кабинете отца», профессора Н.В. Бугаева, — экспонаты, рассказывающие о Московском университете, о работе Андрея Белого над романом «Москва» и о центральном образе романа — профессоре Коробкине. Здесь, в частности, представлены «Портрет профессора Короб-

кина» работы А.Ф. Софроновой, а также рукописи и рисунки-иллюстрации Андрея Белого к роману. Эти комнаты переносят нас в мир семьи Бугаевых. Вместе с маленьким Борей Бугаевым мы осваиваем сложное пространство квартиры («лабиринт»), проходим этапы становления его сознания, из темноты полусознанных, мифологических, «утробных» детских впечатлений выходим на свет творческой жизни — то есть, условно говоря, от Бори Бугаева движемся к Андрею Белому.

Иначе решена экспозиция следующих двух залов — «столовой» и «гостиной». «Столовая» — наименее маркированная и функционально значимая, наименее событийная в описаниях Андрея Белого комната. Она биографически нейтральна. В экспозиции это самый «музейный» зал. Сюда вошло наибольшее количество материалов из фондов музея, это иллюстрация ко всей биографии Андрея Белого и одновременно пояснение к его «Линии жизни» — центральному экспонату этой комнаты, и музея в целом. Андрей Белый — московский символист, Андрей Белый периода революции, эмиграции и жизни в Берлине, Андрей Белый — посетитель М. Волошина в Коктебеле, Андрей Белый в 1930-е годы — таковы главные темы этого зала.

В отличие от «столовой» «гостиная» почти свободна от экспонатов, здесь помещен лишь большой портрет М.К. Морозовой. В «гостиной» проходят семинары, чтения, международные конференции, совместные заседания с научными учреждениями и обществами (Институтом мировой литературы РАН, МГУ и РГГУ, Мандельштамовским обществом и др.), с друзьями-музейщиками — с музеем Голубкиной, филиалом Третьяковки, Литературным музеем, музеем-заповедником Блока в Шахматове. Здесь проходят литературно-музыкальные вечера в содружестве с Музыкальным обществом М. Юдиной, выставки иллюстраций, фотовыставки, представление новых книг. Тема одного из недавних научных заседаний — «Вячеслав Иванов: между Святым Писанием и поэзией». Это была встреча с проф. А.Б. Шишкиным (Италия), научным руководителем центра исследований Вяч. Иванова в Риме, который представил новое двухтомное издание материалов и исследований. На вечере в гостиной звучали романсы на стихи Вячеслава Иванова. В 2004 году, когда исполнилось 70 лет со дня смерти Андрея Белого, в гостиной музея прошла выставка памяти поэта «Мгла — лишь ресницами рождаемые пятна...» (совместно с Государственным литературным музеем и частными архивами). 2005 год — год 125-летия со дня рождения Андрея Белого и Александра Блока. В планах музея — новые выставки, вечера, международная конференция и многое другое. А главное — встречи с новыми интересными и заинтересованными людьми. Эта зала — центр квартиры и средоточие памяти о многочисленных друзьях и гостях про-

фессорского дома, поэтах, художниках, философах, о богатейшей культуре эпохи символизма. В начале XX века появилась целая плеяда блестящих имен. Это был один из самых замечательных периодов русской истории и в то же время один из самых трагических. Андрей Белый был вовлечен в поток этих событий, отпечаток времени лежит на его судьбе, однако в равной мере и личность его отпечатана в истории.

Согласитесь, мемориальные квартиры — это волнующие места. Ничего подобного не чувствуешь, приходя, например, в картинную галерею или просто музей. Ты попадаешь в домашний, интимный мир человека, становишься его частью. Даже если бывший хозяин этой квартиры не интересовал тебя раньше как писатель или художник, тут интерес приходит мгновенно. И ты начинаешь думать о нем, представлять себе его жизнь, круг его современников, и время, разделяющее нас, перестает существовать, музейные стены раздвигаются, столетия сближаются.

Мемориальная квартира Андрея Белого дарит каждому, кто переступил ее порог, счастливую возможность получить то, ради чего он пришел. Одни приходят, чтобы просто подышать воздухом старого арбатского дома, отдохнуть душой, прикоснуться к судьбам и быту его обитателей, взглядеться в их лица. Другие, более азартные к злобе дня, устав от новейших псевдодискуссий о судьбах России и русской культуры, приходят «за умом», им нужен властитель дум. Андрей Белый сегодня остается непрочитанным, его надо открывать заново. Особое внимание исследователей привлекают философско-мистические и прежде всего антропософские искания Белого. Чтобы проникнуть в «духовную тайнопись» его книг, нужны особые навыки и усилия. И этот труд берут на себя главные друзья и опора музея — историки литературы, философы, культурологи, филологи, те, кто профессионально занимается Серебряным веком и понимает, что все, что тогда происходило и волновало умы, вновь востребовано временем. Пространство культуры, освоенное

Лестница музея. Вертикальная витрина

А.Д. Бугаева, мать писателя. 1880-е гг.

Н.В. Бугаев, отец писателя. 1900-е гг.

Андреем Белым, — поистине неисчерпаемая и благодарная тема научных исследований. Эта часть работы не видна случайным посетителям мемориальной квартиры, но она едва ли не самая важная.

Опыт Серебряного века — опыт познания. Каждая новая книга Андрея Белого была новой попыткой овладеть искусством *видеть* — видеть «изнанку правды», двуединую суть вещей. Попыткой совместить несовместимое, выразить несказуемое, постичь тайну гармонии, без которой нет свободы. Проза его эволюционировала от «симфонии» к эпосу по закону кругового движения. Порой ему казалось, что быть мыслящим литератором — дело обреченное, что он уйдет, не оставив после себя никаких «проявленных ценностей» (механизм подражания Гоголю, любимому писателю, срабатывал и тут). Перепады творческих настроений, приступы одиночества, неизбежные для художественной натуры, протуберанцы озарений, резкие расхождения с вчерашними единомышленниками.

Накалялся Андрей Белый порой до «самоожжения». Один из «самых болезненных» периодов его жизни — 1906—1907 годы, когда мучительная личная драма — любовь к Л.Д. Блок обострила внутрисимволистский разлад Белого с Блоком. Их отношения были «дуэльными» в прямом смысле. «Новая заря» забрезжила для Белого, когда вышел его роман «Серебряный голубь» (1910). Об остроте полемики в символистских кругах можно судить по реакции в тогдашней периодике. Р. Иванов-Разумник писал, что «уездный восток России», воспроизведенный в книге, «...расположен

между глубиной народа и вершиной культуры», что герои «ушли от мудрости и не дошли до разума». Н. Бердяев, анализируя тему «мистического народничества», назвал свою статью «Русский соблазн». Блок, с которым Белый вновь сблизился, прочитал книгу в контексте «возрождения народного самосознания». Вяч. Иванов писал о «русской идее», пафос которой — «совлечь всякую личину и всякое украшение с голой правды вещей». С. Булгаков отправил автору романа восторженное письмо и назвал книгу «чудом художественного ясновидения»: «...дано Вам такое проникновение в народную душу, какого мы не имели еще со времен Достоевского». А. Амфитеatrov иронизировал, что Белый «перенародничал всех народников», а Мережковский, в свою очередь, упрекнул Андрея Белого в «ошибке всех старых и новых славянофилов: русскому Востоку противопоставлен европейский Запад, в то время как единственный ответ — отрицание самого вопроса: не Восток *или* Запад, — а Восток *и* Запад»².

Белый стремится осмыслить «тайну России» в ее космически-всемирном и национально-историческом масштабе. Он увлеченно изучает разного рода «тайные доктрины» — от эзотерических учений древности и средневековья до трудов Е.П. Блаватской и ее последователей. В 1910 году выходит книга его статей «Символизм». Начинается сотрудничество с издательством «Мусагет», в двухмесячнике «Труды и дни» Андрей Белый печатает статьи о символистском методе в его философско-культурологическом смысле. Его занимают проблемы стиховедения, ритмика рус-

² См.: Пискунов В.М. Наваждение над Россией / Белый А. Собрание сочинений: Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 5—13, 312.

ского стиха, звукопись. Он как всегда в азарте, в поиске, в пути. Побывав в 1910—1911 гг. в Сицилии — Тунисе — Египте — Палестине, Андрей Белый открывает для себя новые культурные ценности в противовес «одряхлевшему» европеизму.

1912—1916 годы отмечены на графической схеме его жизни бурной чередой духовных пиков и спадов — «ударов», «пробудов от сна» и «засыпов». Это годы под знаком Гётеанума и Христиании. Неофитски экзальтированное увлечение «духовной наукой» Р. Штейнера сменяется депрессией, сопровождается трагическим отчуждением и непониманием близких, оборачивается «бунтом» против недавнего учителя и его окружения³. В опубликованном А.В. Лавровым рукописном тексте из архива Пушкинского дома Андрей Белый подводит итоги этого ученичества: «Дух лжи полонил меня <...> семилетняя моя страда в тисках “Духа” есть ныне осознанная форма одержания Люцифером, введенным в душу методом Рудольфа Штейнера»⁴.

В 1913 году он заканчивает роман «Петербург» — одно из высших достижений русского символизма, где подводит итоги «западного» периода русской истории. Это — новый тип прозаического повествования, сочетающий трагедийный пафос, гротеск и исповедальный лиризм, найденные Андреем Белым новые формы художественной выразительности дают основание поставить их в ряд с обретениями Дж. Джойса и М. Пруста.

Углубленный интерес к проблемам самопознания человека подталкивает его к автобиографической прозе (благодаря которой сотрудникам музея удалось вдохнуть живую душу в каждую комнату и каждый экспонат мемориальной квартиры).

Первая мировая война для Андрея Белого стала свидетельством глобального кризиса западной цивилизации. Трактаты из цикла «На перевале» так и называются — «Кризис жизни», «Кризис мысли», «Кризис культуры». В революции, как и Блок, он увидел животворную очистительную стихийную силу, «святое безумие» (статья «Революция и культура», 1917, поэма «Христос воскрес», 1918). Оставаясь внутренне свободным, Андрей Белый пишет мемуары, продолжает исследовать энергетическую природу творчества, механизмы познания («О ритмическом жесте», «Ритм как диалектика...», космогоническая поэма о звуке «Глоссалоллия») и не подозревает о том, что совсем скоро в Стране

Советов все, что составляло смысл и природу его творчества, будет объявлено опасным и враждебным победившему соцреализму...

Даже короткая пунктирная пробежка вдоль «линии жизни» Андрея Белого позволяет увидеть и оценить формат духовного поиска, интеллектуальный накал его книг, объем событий и идей, связанных с Серебряным веком русской культуры, исследование которых требует новых современных подходов.

Чтобы понять, с чего все начиналось, понять биографические истоки его философских воззрений и всей его литературной судьбы, представим, с помощью мемуаров Владислава Ходасевича, какой была жизнь Андрея Белого, то есть Бориса Бугаева, в этом доме, когда он рос, вырос и формировался как личность, заселим квартиру духами прошлого, создадим в ней арбатскую атмосферу.

...Был самый разгар лета, когда в Москве, на Пречистенском бульваре, с гувернанткой и песиком, стал появляться необыкновенно хорошенький мальчик — Боря Бугаев, сын профессора математики, известного Европе своими трудами, московским студентам — феноменальной рассеянностью и анекдотическими чудачествами, а первоклассникам-гимназистам — учебником арифметики, по которому учились несколько поколений подряд. Золотые кудри падали мальчику на плечи, а глаза у него были синие-синие. Золотой палочкой по золотой дорожке катил он золотой обруч. Так вечность, «дитя играющее», катит золотой круг солнца. С образом солнца связан младенческий образ Белого.

Профессор Бугаев в ту пору говаривал: «Я надеюсь, что Боря выйдет лицом в мать, а умом в

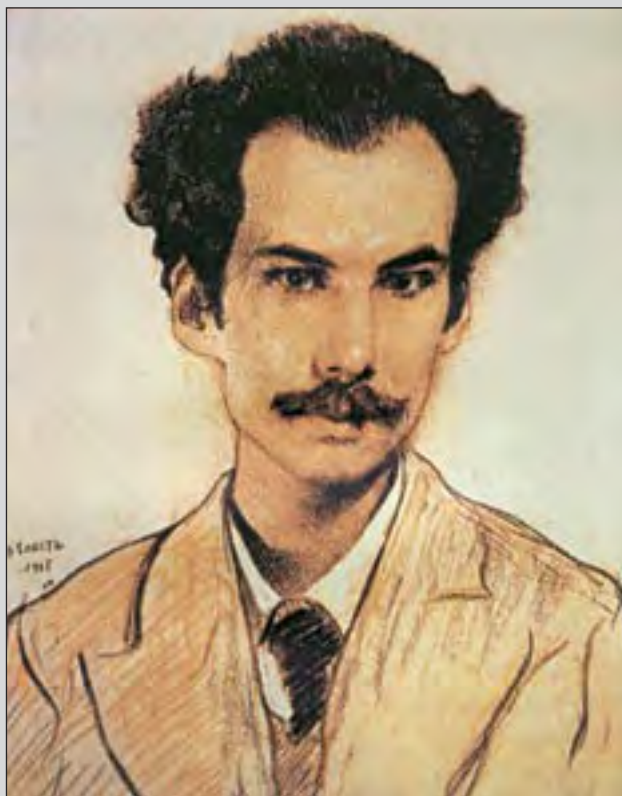
Книги
Андрея Белого

³ См.: Письма Андрея Белого из архива в Дорнахе, опубликованные М.Л. Спивак // Литературное обозрение, 1995, № 4/5. С. 44—68.

⁴ Там же. С. 76.

◀ Кабинет. «Профессорский уголок». На стене — портрет профессора Коробкина, героя романа Андрея Белого «Москва», работы А.Ф. Сафроновой

А.С. Бакст. Портрет Андрея Белого. 1905

меня». За этими шутивными словами скрывалась нешуточная семейная драма. Профессор был не только чужак, но и сущий урод лицом. Однажды в концерте (уже в начале девятисотых годов) Н.Я. Брюсова, сестра поэта, толкнув локтем Андрея Белого, спросила его: «Смотрите, какой человек! Вы не знаете, кто эта обезьяна?» — «Это мой папа», — отвечал Белый с тою любезнейшей, широчайшей улыбкой совершенного удовольствия, чуть не счастья, которою он любил отвечать на неприятные вопросы.

Его мать была очень хороша собой. На каком-то чествовании Тургенева возле знаменитого писателя сочли нужным посадить первых московских красавиц: то были Екатерина Павловна Леткова, впоследствии Султанова, сотрудница «Русского Богатства», и Александра Дмитриевна Бугаева. Они сидят рядом и на известной картине К.Е. Маковского «Боярская свадьба», где с Александры Дмитриевны писана сама молодая, а с Екатерины Павловны — одна из дружек. Даже в пожилом возрасте мать Белого была женщиной со следами несомненной красоты и с повадками записной кокетки. Она часто ходила к своей портнихе и, приподнимая тафтяную юбку концами пальчиков, вертелась, приговаривая: «А право же, я ведь еще хоть куда!»

Физическому несходству родителей отвечало расхождение внутреннее. Ни умом, ни уровнем интересов друг другу они не подходили. Ситуация была самая обыкновенная: безобразный, неряшливый, погруженный в абстракции муж и

красивая, кокетливая жена, обуреваемая самыми «земными» желаниями. Отсюда — столь же обыкновенный в таких случаях разлад, проявлявшийся в бурных ссорах по всякому поводу. Боря при них присутствовал.

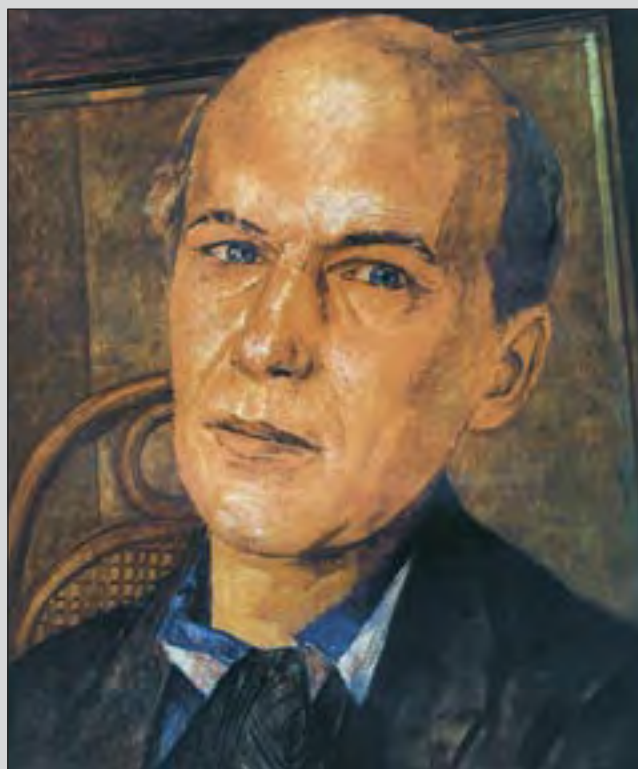
Белый не раз говорил об автобиографичности «Котика Летаева». Однако, вчитываясь в его позднюю прозу, можно без труда понять, что и в «Петербурге», и в «Котике Летаеве», и в «Крещеном китайце», и в «Московском чудаке», и в «Москве под ударом» завязкою служит один и тот же семейный конфликт. Все это — варианты драмы, некогда разыгравшейся в семье Бугаевых. Не только конфигурация действующих лиц, но и самые образы отца, матери и сына повторяются до мельчайших подробностей. Изображение наименее схоже с действительностью в «Петербурге». Зато в последующих романах оно доходит почти до фотографической точности. Чем старше становился Белый, тем упорнее он возвращался к этим воспоминаниям детства, тем большее значение они приобретали в его глазах. Начиная с «Петербурга», все политические, философские и бытовые задания его романов отступают на задний план перед заданиями автобиографическими и, в сущности, служат лишь поводом для того, чтобы воскресить в памяти и переосознать впечатления, поразившие в младенчестве. Не только нервы, но и самоё воображение Андрея Белого были раз и навсегда поражены и потрясены происходившими в доме Бугаевых «житейскими грозами», как он выражался. Эти грозы оказали глубочайшее влияние на характер Андрея Белого и на всю его жизнь.

В семейных бурях он очутился листиком или песчинкой: меж папой, уродом и громовержцем, окутанным облаком черной коפותи от швыряемой в пол керосиновой лампы, — и мамочкой, легкомысленной и прелестной, навлекающей на себя гнев и гибель, как грешные жители Содомы и Гоморры. Первичное чувство в нем было таково: папу он боялся и втайне ненавидел до очень сильных степеней ненависти: недаром потенциальные или действительные преступления против отца (вплоть до покушения на отцеубийство) составляют фабульную основу всех перечисленных романов. Мамочку он жалел и ею восторгался почти до чувственного восторга. Но эти чувства, сохраняя всю остроту, с годами осложнялись чувствами вовсе противоположными. Ненависть к отцу, смешиваясь с почтением к его уму, с благоговейным изумлением перед космическими пространствами и математическими абстракциями, которые вдруг раскрывались через отца, оборачивалась любовью. Влюбленность в мамочку уживалась с нелестным представлением об ее уме и с инстинктивным отвращением к отчетливой, прямой плотскости.

Каждое явление, попадая в семью Бугаевых, подвергалось противоположным оценкам со стороны матери и со стороны отца. Что принималось и одобрялось отцом, то отвергалось и осуждалось

матерью — и наоборот. «Раздираемый», по собственному выражению, между родителями, Белый по всякому поводу переживал относительную правоту и неправоту каждого из них. Всякое явление оказывалось двусмысленно, раскрывалось двусторонне, двузначе. Сперва это ставило в тупик и пугало. С годами вошло в привычку и стало модусом отношения к людям, к событиям, к идеям. Он полюбил совместимость несовместимого, трагизм и сложность внутренних противоречий, правду в неправде, может быть — добро в зле и зло в добре. Сперва он привык таить от отца любовь к матери (и ко всему «материнскому»), а от матери любовь к отцу — и научился понимать, что в таком при творстве нет внутренней лжи. Потом ту же двойственность отношения стал он переносить на других людей — и это создало ему славу двуличного человека. Действительно, нередко он бывал и двуличен, и извлекал из двуличия ту выгоду, которую оно может дать. Но в основе, в самой природе его двуличия не было ни хитрости, ни оппортунизма. И то и другое он искренне ненавидел. Но в людях, которых любил, он искал и, разумеется, находил основания их не любить. В тех, кого не любил или презирал, он не боялся почуять доброе и порою бывал обезоружен до нежности. Собираясь действовать примирительно — вдруг вскипал и раздражался; собираясь громить и обличать — внезапно оказывался согласен с противником. Случалось ему спохватываться, когда уже было поздно, когда дорогой ему человек становился врагом, а презираемый лез с объятиями. Порой он лгал близким и открывал душу первому встречному. Но и во лжи нередко высказывал он только то, что казалось ему «изнанкою правды», а в откровенностях помалкивал «о последнем».

В сущности, своему «раздиранию» между родителями он был обязан и будущим строем своих воззрений. Отец хотел сделать его своим учеником и преемником — мать боролась с этим намерением музыкой и поэзией: не потому, что любила музыку и поэзию, а потому, что уж очень ненавидела математику. Первым реальным «прикосновением» к искусству Андрей Белый считал исполнявшиеся матерью сонаты Бетховена и прелюдии Шопена. В гимназические годы он проявлял интерес к философии, с 15 лет начал писать. «Два года упорного чтения, — вспоминал поэт в автобиографии, — где Шекспир, Гете и Шиллер сменились Толстым, Достоевским, Тургеневым, сменявшихся в свою очередь Ибсенем, Метерлинком, Верленом и Ницше, обратили меня в упорного и фанатически настроенного символиста». Чем дальше, тем Белому становилось яснее, что все «позитивное», близкое отцу, близко и ему, что искусство и философия требуют примирения с точными знаниями — «иначе и жить нельзя».

К.С. Петров-Водкин.
Портрет Андрея Белого. 1932

Свой рассказ об Андрее Белом Ходасевич предваряет словами: «...хотел бы я не послужить любопытству сегодняшнего дня, а сохранить несколько истинных черт для истории литературы, которая уже занимается, а со временем еще пристальнее займется эпохой символизма вообще и Андреем Белым в частности <...> Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории <...> надо учиться чтить и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порой даже за самые эти слабости. Такой человек не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного: полноты понимания»⁵.

Как хорошо, что теперь на Арбате рядом с Мемориальной квартирой Пушкина есть Мемориальная квартира Андрея Белого, которая живет, дышит теплом детских впечатлений, бережет тайну семейных бурь, оборачивающихся любовью, приглашает вслушаться в неподвластные времени «слова тишины», чреватые «громами неимоверного приближения души к душе»⁶. И хранит взывающие к полноте понимания духовные сокровища русского символизма. Это вселяет надежду, что культура жива и Арбат не навсегда превратился в прогулочно-сувенирную зону, он тоже жив.

⁵ См.: Воспоминания об Андрее Белом. М., 1985. С. 51—74.

⁶ Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 257.